

РАЗНЫЕ

То ли маленькая повесть, то ли очерк,
то ли правдивая байка на основе реальных событий
(Из цикла «Британские рассказы»)

Мы — дюжина мужчин из восточноевропейских стран: россияне, литовцы, украинцы, русскоязычные парни из Латвии и Эстонии и даже почти без акцента говорящий поляк — собрались на западе Лондона, где преобладают выходцы из бывших английских колоний: Индии, Пакистана, Шри Ланки, Сомали и многих африканских и ближневосточных стран. В некоторых районах это преобладание всеобъемлющее. Если увидите европейца, не обольщайтесь — это вряд ли британец. Это, скорее всего, поляк или литовец, либо украинец с купленным у литовца или поляка паспортом. Чувствуешь себя так,

как будто попал на окраину индийского Бомбея¹ или пакистанского Карачи, а то и вовсе в пиратский Сомали. Подавляющее большинство населения в этих районах расхаживает в своих национальных нарядах, в том числе на рабочих местах: водители автобусов и скорой помощи, парикмахеры и обслуживающий персонал в поликлиниках, продавцы в магазинах и аптеках, сотрудники метро и банковские служащие, даже полицейского можно встретить в британской форме, но в головном уборе с его далёкой исторической родины и с ещё какими-то мелкими национальными атрибутами. Сари² здесь и вовсе обычная одежда. На улицах всюду слышатся индийские и пакистанские мелодии: из частных магазинов и лавок, из окон домов и автомобилей, из многочисленных национальных ресторанов и кафе. Всюду писклявые звуки. Всюду запахи восточной кухни с явно выраженным запахом карри³. В некоторых местах готовят прямо на улице или в маленьких киосках и передвижных автоприцепах. Пройдёшь мимо — и специфический запах надолго въедается в волосы и одежду.

Собрались мы в группу в сауне спортивного центра по одному единственному принципу, все знали один язык — самый сочный и могучий в мире! Русский! И сразу пошли разговоры...

К этим разговорам нас подтолкнули наши азиатские друзья, ни черта ничего не понимающие в хорошей российской традиции «поддать жарку». Вот не поверите, сядут прямо на пол и сидят по полчаса на кафельной плитке. И жуют прямо в сауне помидоры, сливы, бананы, а то и вовсе бутерброды, и ведут неспешные разговоры ни о чём — в основном про цены на продукты и вещи первой необходимости, как-будто они находятся на знаменитом багдадском базаре... А мы-то не такие. Мы-то любим поговорить о чём-нибудь романтичном: про охоту и рыбалку, про спортивные результаты, про красивые автомобили, а ещё лучше про красивых женщин! И конечно любим брызгнуть водички с каплями эвкалипта, пихты и мяты на раскалённые камни и нагнать до жути парку, да помахать веничком из берёзовых или дубовых веточек. Наши друзья тотчас вылетают из парилки, обгоняя друг друга, и бегут жаловаться менеджеру спортивного центра, как первоклассники в школе. И сколько им не объясняй, что стучачить не хорошо — не понимают. Ну что тут поделаешь, принято у них так... Тогда заходим с другого конца. Объясняем: «Ребята, не заходите пожалуйста вместе с нами в парилку, раз не выдерживаете

¹ Самый крупный город в Индии, в настоящее время называется Мумбаи.

² Традиционная женская одежда в Индии, Пакистане, Шри Ланке...

³ Восточная приправа из смеси пряностей на основе корня куркумы, обладающая сильным характерным запахом.

такой температуры. Потерпите несколько минут в комнате отдыха. Мы поддадим парку и убежим в бассейн с холодной водой. А вы уж тогда развлекайтесь сидя на полу, да на нижней полке. Ешьте томаты, сплетничайте про соседей...»

— Да что там баня! — воскликнул однажды литовец. — Они-то и в рыбалке ничего не смыслят. Мы с другом частенько ловим окуньков и плотвичек в каналах Темзы. Так прохожие нам просто покою не дают. Таращат в страшном удивлении глаза: «О мой Бог! Вы это будете есть? Да вы что! В магазине сейчас продают лосося со скидкой!» Приходится лукавить. Говорим, что это для кошечек. Кошечкам, конечно, тоже перепадает. Но большая часть идёт на уху и на сковородку. Хорошенько прожаришь, до хрумкости — это же объедение! Натуральный продукт! Им-то и невдомёк, что этого лосося выращивают на ферме, где он гадит под себя в застоявшейся воде и там же барахтается и заглатывает всю эту дрянь и пропитывается ею.

— А кормят этих лососей чем! — поддержал земляка другой литовец. — Да чёрт его знает чем! Всякими модифицированными био-добавками, чтобы они расбухали и скорее оказывались на прилавке. Это же не рыба. Отрава.

— Не может быть, — засомневался поляк.

— Ещё как может. Я был на рыбной ферме. Видел как там выращивают лососей. Оттого их и продают постоянно со скидкой, лишь бы побыстрее избавиться. В природных условиях надо ловить.

— Точно, — согласился поляк. — В натуральные водоёмах надо ловить. Там огромные зеркальные карпы водятся.

— Это можно, да только большинство водоёмов являются королевскими владениями. И ловят там этих натуральных и зеркальных понарошку. Целуют в мордашку, делают фотографии, рассылают друзьям и выпускают обратно в пруд. А потом едут в супермаркет покупать всё тех же подозрительных, на скорую руку выращенных лососей.

И пошло, и поехало...

— А грибы! — возмутился эмоциональный парнишка из латышского русскоязычного Даугавпилса. — Они же и про грибы ничего не знают! Шампиньоны, напичканные нитратами, жуют, и только!

— Странное это дело, — согласился с ним другой русский парень из не менее русскоязычной эстонской Нарвы. — В парках и лесах, на окраинах Лондона, полно всяких грибов. Но для них любимые нами боровички, маслятки, подберёзовики с подосиновиками, кажутся совершенно ядовитыми. Не говоря уже о груздях и опятах. Я в прошлые выходные остороженько насобирал в загородном парке большой целлофановый пакет...

— Кто же в целлофановые мешки собирает грибы! — возмутился сибиряк. — Они всё качество потеряют! В корзиночку надо, аккуратненько, или на худой конец в эмалированное ведёрко.

— Я и собирал в ведёрко. Но его поставил в мешок.

— Зачем? Это же неудобно! — продолжал возмущаться сибиряк.

— Затем, чтобы местные не видели. Они толпами выгуливают собак по лесным тропинкам.

— И что тут такого? — всё ещё ничего не понимал сибиряк, совсем недавно обосновавшийся на британских островах.

— Да ты бы видел, как они на это реагируют. Только я высыпал полное ведро грибов на траву, решив их пересортировать, как из-за куста вынырнула бальзаковского возраста леди в сопровождении собачки. Собачка тотчас кинулась к грибам и стала обнюхивать. Их запахи ей явно понравились. Но её хозяйка была в ужасе.

«O my God!¹ — воскликнула англичанка. — Вы это будете есть! Вы же отравитесь! Вы что, не знаете, что в супермаркетах продают беленькие, натуральные шампиньоны?»

«Ага, натуральные, — подумал я с ехидцей. — Такие же натуральные, как и лососи».

«Бросьте их! Бросьте! — завопила англичанка. — Это опасно для жизни!»

— Don't worry! Don't worry!² — завопил я в ответ. — Это для белочек³, которые живут у меня в гарде!⁴

«My God! My God!» — продолжала стенать англичанка и выхватила из сумочки телефон.

Я быстренько собрал грибы, засунул ведёрко обратно в целлофановый пакет и бросился наутёк. Но пока собирал, успел услышать, как она в страшном волнении за мою жизнь звонит в полицию и просит спасти человека, который непременно отравится грибами.

— Я тоже с подобным сталкивался, — подтвердил украинец. — Для них шампиньоны, выращенные в теплице, единственно съедобные

¹ О мой Бог! (англ.)

² Не волнуйтесь! Не волнуйтесь! (англ.)

³ В Лондоне действительно практически в каждом дворе живут серые белки, приспособившиеся к городской жизни. В большинстве своём они питаются из мусорных баков, как крысы. А ещё в Лондоне водится колоссальное количество лис, которые разделили весь город, включая центр, на зоны влияния — днём они спят в теплотрассах и на огороженных участках железных дорог, метро. Ночью они выходят на охоту, разрывая мусорные мешки. Удивительное дело, они несколько не стесняются людей, только чуть-чуть сторонятся. А также сороки, вороны. И целыми стаями голуби и чайки. Все каким-то образом прижились, и чувствуют себя в многомиллионном городе вполне комфортно.

⁴ В данном случае внутренний двор при доме.

грибы. А огурцы какие они едят?.. Эти огурцы больше похожи на кабачки, а то и вовсе на гарбузы¹. Только такая полудеревянная еда, завёрнутая в целлофан, для них «fresh food»². А те, что выращиваем мы и солим на зиму, или закрываем в банки, они на полном серьёзе считают кормом для домашних птиц и скота, и шарахаются от них.

— А вы понаблюдайте как они водят автомобиль, — спокойно сказал выдержанный рижанин, — и вам сразу станет всё понятно про них. Повороты почти никогда не включают, когда меняют полосу. Габариты своей машины не чувствуют. Дистанцию и разметку на дороге тоже. Я ни в одной другой стране не видел столько поцарапанных автомобилей и помятых багажников. Они же ездят по принципу своих бывших стран. У кого дороже и больше машина, тот и прав. Местные, правда, не лучше. Как черепахи медлительные. Займёт крайнюю полосу, и пилит как на ишаке. Ни сам не едет, ни другим не даёт. А паркуются как... Лишь бы его машине места хватило.

— Это точно. Себя родного они любят больше всего. Их дежурная фраза: «Хау а ю, май фрэнд?»³ и дежурная, слащавая улыбка, принудительно заученные ещё в школьные годы, совершенно ничего не значат. Только для отвода глаз, — заговорил, всё время помалкивавший крымчанин из Алушты, с обострённым чувством дружбы — дружбы настоящей, в нашем понятии. За друга — в огонь, и в воду.

И опять все оживились. А минутой ранее, казалось, запал иссяк.

— Да они в само слово дружба вкладывают совсем другое понятие, чем мы. У них друг не тот, кто за тебя горой встанет, а тот кто улыбнулся пару раз.

— Любого именуют френдом: сотрудника по работе, с которым перебросился всего-то парой фраз, малознамого соседа, с которым обменялся улыбками всего-то пару раз, а то и вовсе случайного знакомого, с которым однажды посмотрел футбол в пабе⁴ в одной компании.

— Вот меня, к примеру, нередко спрашивают в России: «А правда, что брат может потребовать с брата деньги, если приедет к нему на обед и привезёт пару бутылок пива?» — Может, — отвечаю, — и брат с брата, и отец с сына, и сын с отца...» Хоть сто раз расскажи нашим про это самым убедительным образом, всё равно будут тарашить на тебя глаза в удивлении и недоверии. Дескать: «Да разве может быть такое?..»

¹ Тыква (укр. диалект).

² Свежий продукт (англ.).

³ Как вы, мой друг? (англ.).

⁴ Пивной бар. Полное пояснение см. в рассказе «Вегетарианец».

— А я привожу в пример, как один мой товарищ по работе весь день докучал молодому англичанину, которому был день рождения, одним и тем же вопросом: «Что тебе подарит бабушка?»

«Ничего не подарит, — спокойно ответил паренёк, нисколько не смущаясь. — Она мне никогда ничего не дарит».

«А другая бабушка?»

«И другая ничего».

«Да как же это? Не может быть!» — восклицал каждые полчаса, мой товарищ — настолько эта ситуация казалась для него неправдоподобной. Ведь для нас это просто немыслимая ситуация. Кто угодно может оставить тебя в день рождения без подарка, только не бабушка!

— У них во время свидания девушка платит на равне с парнем: и в кино, и в кафе.

— Да что там в кафе! Даже когда ведёт её на ночь в отель! — искренне возмутился эмоциональный паренёк из Даугавпилса и тотчас засмущался. — Даже за это она платит половину суммы наравне с ним.

— Поэтому они и кормят их жидкими супами из пакетиков, больше похожими на помои, да безвкусными полуфабрикатами!

— Стоп, стоп, — остановил чересчур субъективную критику рассудительный крымчанин. — А сами-то мы какие?

* * *

Действительно. Сами-то мы какие?

Мы, вероятно, дикари, с точки зрения местного обывателя. Обжигаем в бане своё тело паром, хлёсткими ударами веника и ледяной водой. Сами ловим рыбу. Сами собираем грибы. Сами ремонтируем свои автомобили и свои жилые помещения. В любой клочок свободной земли, пусть и на съёмной квартире, стараемся воткнуть лучок и чеснок, укропчик и петрушечку... А в отношениях с женщинами и вовсе сумасшедшие: платим за них в ресторане, и с дурна ума отвозим домой на такси за свой счёт. И сами наши подруги какие-то ненормальные — по собственной инициативе часами стоят на кухне: варят разнообразные супы и борщи, изобретают какие-то хитрые салаты, пекут всевозможные пирожки и тортики. И ещё. Они самостоятельно перемальвают мясо на фарш! А уже из фарша... чего только не придумают.

Мы и правда разные. Западные и восточные. Без сомнения разные. У них свои заморочки, у нас — свои. Мы про свои заморочки, конечно, хорошо знаем, но критиковать себя шибко не станем. Как принято говорить: «Своя рубашка ближе к телу».

ПОДРУГИ (АЛИСА И ЛАРИСА)¹

Две белокурые красавицы Алиса и Лариса были подружками с раннего детства. Родились они под одним и тем же знаком зодиака, жили в одном и том же подъезде многоэтажного дома, ходили в один и тот же детский садик, учились в одной и той же школе, в одном и том же классе и даже сидели за одной и той же партой. Оттого и интересы по жизни у них были одни и те же. Всё у них было заодно, всё сообща. В детстве они любили одни и те же игры и мультфильмы, в школьные годы одни и те же книги и кинофильмы, а в студенческие годы они безответно влюбились, пусть и на расстоянии, в одного и того же весьма популярного красавца-артиста. Только в одном подружки различались — по характеру. И не потому, что родители разные — они-то, как раз, люди одного и того же времени, тоже очень походили друг на друга внешностью и простотой жизненных запросов, — а потому, что у подружек было, как ни удивительно, отличие в одном и том же знаке зодиака. Одна родилась, когда солнце входило в знак, а другая — месяц спустя, когда оно уходило. Это и наложило на каждую свой отпечаток. Алиса была спокойной и практичной, и знала что хочет от жизни — стать хорошей женой и матерью, и потому с выбором не спешила. Лариса тоже хотела стать хорошей женой и матерью, но, будучи более эмоциональной и решительной, с выбором спешила, знакомясь то с одним, то с другим перспективным, по её мнению, кандидатом в мужа. Тем не менее Алиса первая нашла красавца-парня, очень походившего на их давнюю, несбыточную любовь и привела его жить в свой дом. И тут опять сработал принцип всё сообща и всё заодно. Лариса тоже влюбилась в этого парня, будто бы переселившегося из их общих девичьих грёз в настоящую жизнь и стала каждый вечер забегать к подружке на минутку, всегда выливавшуюся в часы и, сама того не замечая, стала уделять красавцу столько же внимания и ласки, сколько и сама Алиса.

С каждым днём Лариса становилась всё настойчивее и настойчивее. Она теперь не только забегала к подружке на «минутку», но и встречала красавца во дворе, как будто бы случайно, с работы.

Счастливая Алиса бесконечно любила мужа и от своего полного счастья ничего не замечала вокруг.

¹ Все имена в рассказах «Подруги» (2014 г.) и «Одноклассницы» (2017 г.) взяты автором произвольно. Любые совпадения случайны.

Однако завсегдатаи дворовой лавочки баба Даша и баба Маша сразу всё заприметили и, улучшив момент, стали усовещать Ларису.

— Эх, Лариска, Лариска!.. — осуждающе покачала головой баба Даша. — Заварила ты кашу!

— Прелюбодеяние не доведёт до добра! — вторила баба Маша.

— Что вы несёте? Какое прелюбодеяние?.. — весело засмеялась Лариса — разум её был затуманен принципом всё заодно и всё сообща, и она на самом деле не отдавала себе отчёт, что творит.

— Самое что ни на есть прелюбодеяние! Чистойшей воды! — в сердцах настаивала баба Даша.

— Конечно, прелюбодеяние, а что же ещё, когда ты хочешь забрать мужа у лучшей подруги! — вторила баба Маша, тоже в сердцах.

— А что, заберу пожалуй... — сказала себе Лариса, осознав смысл слов бабы Маши.

— Что ты там пробурчала? — в один голос поинтересовались добропорядочные старушки, не расслышав её речь.

— Да, так... — отмахнулась от них Лариса и, уходя, подумала: «Как же я сама до этого не догадалась?.. Действительно, зачем такой тихоне этот красавец!»

Подумала и, будучи более напористой и умелой в обращении с мужчинами, чем Алиса, тут же претворила свою задумку в действие. Теперь она не только забегала к подружке на минутку, выливавшуюся в часы душевных бесед, и не только встречала красавца во дворе после работы, но и зазывала его в свою квартиру.

И сердобольные дворовые старушки стали приставать уже к Алисе.

— И-и-и... размазня ты этакая!.. И куды ж ты глядела?.. — укоризненно забубнила баба Даша, с сочувствием глядя на Алису.

— Это точно! — вторила баба Маша. — Запросто проворонила мужа!

— Не выдумывайте! Это всё сплетни! — попыталась Алиса отбить наскок старушек и её голос задрожал — она уже и сама заметила, что её муж уделяет слишком много внимания Ларисе.

— Да какие уж тут сплетни!.. — тяжело вздохнула баба Даша. — Весь двор об этом говорит.

— Только ты ничего и не видишь... — участливо вторила баба Маша и тоже тяжело вздохнула.

— Да вижу! Вижу! — разрыдалась Алиса и поспешила скрыться в подъезде от искреннего, но назойливого сочувствия сердобольных старушек.

В страшном смятении вбежала она в комнату, в сердцах сорвала со стены свадебный портрет, на котором рядом с ней и её мужем

красовалась лучезарной улыбкой свидетельница — её лучшая подруга Лариса, вдребезги разбила его об угол стола и встала на подоконник...

Через несколько минут во дворе завывали сирены скорой помощи и полиции и собралась огромная толпа народа.

— Что случилось? Что?.. Говорят девушка выпала из окна четвёртого этажа? — с волнением вопрошали прибегающие на вой сирен граждане.

— Нет, аж с восьмого! Хотела жизнь покончить самоубийством!

— Неужели правда?

— Правда. Упала прямо на молодую пару. Насмерть обоих!

— Говорят, это как раз её муж с любовницей шли?

— Да-да! Муж с её лучшей подругой! Случайно упала на них!

— Это же надо так попасть! Прямо кара небесная!

— Ещё какая кара!

— А сама-то она как?

— А сама ничего. Живая. Ушибы, да царапины.

— Да-да! Живая! Только в полоумии от пережитого!..

Сердобольные баба Даша и баба Маша были тут же и обе горько плакали.

— Я же говорила, не доведёт прелюбодеяние до добра! Не доведёт! — восклицала баба Даша, в слезах.

— Нет, это я говорила! — возразила баба Маша, утирая слезу.

— И ты говорила, и я говорила, — не стала спорить баба Даша, всхлипывая. — Да что толку. Видишь, как вышло? И их жизни лишила, и сама малохольной будет.

— Отчего же?.. — опять возразила баба Маша. — Время всё лечит.

ОДНОКЛАССНИЦЫ (МАША И НАТАША)

Маша была в начальных классах школы славненькой, приятной девочкой. А в старших она и вовсе расцвела, стала красавицей и умницей. Все одноклассники хотели с ней дружить. Но уж так принято, что девочки предпочитают влюбляться в парней постарше от себя. В тех, которые браво бренчат значками на военной, дембельской форме, в тех, которые могут прокатить на своём мотоцикле или даже автомобиле, в тех, которые могут подарить дорогой подарок и пригласить в кино или кафе, и не всегда потому, что они могут это сделать, а чаще потому, что они солиднее одноклассников — у них всегда есть интересная тема для разговора, интересные предложения и серьёзные поступки. Рядом с ними девушки сами становятся значимее и взрослее. Родители девочек зачастую приветствуют именно такую друж-

бу, понимая, что от одноклассников в данный момент проку мало. Когда это они выучатся, когда поднимутся по карьерной лестнице, и когда удосужатся самостоятельно содержать семью?.. Вот и Маша оказалась в подобной ситуации. Она вышла замуж за близкого друга старшего брата, атаковавшего её любезностями и обещаниями — за перспективного молодого мужчину, закончившего институт. Разница в возрасте чуть ли не в десять лет немножко смущала Машу, но не её близких. Родня была в восторге, а чужие даже стали завидовать. Парень оказался действительно перспективным. Он быстро сделал карьеру государственного служащего областного масштаба. Всё у молодой семьи ладилось: и дом большой, и комнаты полная чаша, и детки умненькие и красивенькие родились. Да тут муж, вдруг, озабочился. И одевается Маша неумело, и причёска не модная, и машину не водит, и общих тем для разговоров мало... И ушёл к молоденькой, хваткой серетарше. Эта новость расколола Машу надвое, будто молния одинокое дерево. Время, казалось, остановилось. Жить совсем не хотелось. Но дети! Ради них Маша встrepенулась. Купила модное платье, сделала модную причёску, устроилась на работу, научилась водить автомобиль. И вырастила сама двоих детей! Но в личной жизни всё как-то не клеилось. То попадётся друг помладше и с ним общих тем для разговоров окажется совсем мало, то опять попадётся постраше, как бывший муж... И тут её пути неожиданно пересеклись с одноклассником Алёшкой. И она пригласила его на день рождения. И был у них замечательный вечер, и прекрасная ночь, и доброе — очень доброе утро. И не сдержалась Маша, рассказала на радостях всё однокласснице Наташе.

— Ой! — воскликнула Наташка. — И у нас с Алёшкой было тоже самое!

— С моим? — испугалась Маша.

— Почему с твоим? У нас в классе их трое было! Вот уж повеселились! Мой школьный альбом аж три раза пересмотрели! Да нет же! Четыре! — затараторила счастливая Наташка. — Каждого вспомнили и нашли на фотографии! А ещё вспомнили, как в десятом классе на уроке физкультуры...

— И мы это вспомнили, — успела вставить слово Маша. — И мой фотоальбом тоже четыре раза за ночь пересмотрели.

— Вот видишь! За одноклассников надо было выходить! С ними столько всего общего! С полуслова понимаем друг друга!

— Может, мы с тобой просто исключение?

— Нет-нет! Ещё Аня с Андреем встретились! А в параллельном классе там и вовсе!..

— Я знаю, что надо делать, — с уверенностью заключила Маша. — Надо организовать внеочередную встречу одноклассников.

— Да-да! — с поспешностью согласилась Наташа. — Как выясняется, с годами, именно тогда — в юности, были самые лучшие мгновения нашей жизни...

РАССКАЗЫ ИЗ ЦИКЛА «ОХОТНИЧЬИ БАЙКИ»

Охотники рассказывают...

А в рассказах охотников иногда бывает и правда.

Э. Сетон-Томпсон

(из рассказа «Виннипегский волк»)

ОХОТА НА КАРПА С НАПИЛЬНИКОМ

Когда я бываю на побывке в родном донском хуторе, мой друг детства Николай Михайлович Колузонов частенько заходит в гости и интересуется моими насущными отпускными проблемами.

— Ты рыбки-то свеженькой хоть раз отведал? — полюбопытствовал он однажды.

— Было дело, — уклончиво ответил я.

— По настоящему, вволю?

— Вволю не довелось, к сожалению, — вынужден я был признаться, не вынеся его испытывающего взгляда.

— Тогда приезжай в полдень на хуторской пруд, я заколю пикой парочку карпов. Они как раз в это время будут греться в тёплой воде, на отмели.

— Пикую-то взять откуда? Да и ловят ли так? — засомневался я.

— Будь спокоен, главное не забудь напильник.

* * *

На другой день я выпросил у отца самый лучший напильник, и отправился в полдень на хуторской пруд, на мотоцикле «Днепр».

Николай уже стоял на берегу в плавках, и первым делом спросил:

— Напильник привёз?

Как на грех, аккуратно завернутый в газету напильник преспокойненько остался лежать дома, на лавке.

Николай нисколько не удивился моей беспечности, лишь осуждающе махнул рукой: «Дескать, что с него, с городского, спросишь!» Он решительно полез в прибрежные кусты терновника, достал само-

дельную пику, похожую на длинную утолщённую спицу, подобрал на берегу первый попавшийся камешек и стал точить железное остриё. Точил долго, аккуратно, со знанием дела, до тех пор, пока не поцарапал палец до крови. Вероятно из-за того, что то и дело неодобрительно косился на меня.

— Дай мне попробовать! — тотчас подсуетился я.

— Ага, с твоими-то городскими пальчиками! — в сердцах выбросил Николай негодное орудие труда в высокую траву.

— Не очень-то наезжай, — буркнул я, в неудовольствии. — Нешто забыл, что я в школьные годы штурвальным работал на летних каникулах, а ты коров пас.

— В том то и дело, что в школьные, — усмехнулся Николай и с разбега прыгнул в воду вместе с пикой.

Плыл он мощно, рывками, наводя на зеркальной глади тихого пруда высокие ребристые волны, словно маленькая моторная лодка. Сразу чувствовалось — человек служил в военно-морском флоте.

Не прошло и двух минут, как Николай оказался на миниатюрном песчаном островке, верблюжьим горбом торчавшим посреди пруда, и надолго застыл в одной позе, с высокоподнятой рукой. Походил он в ту минуту на цаплю выслеживающую лягушку. И с десятков зевак, случайно оказавшихся на пруду, стали бросать в его адрес незлобные, дружеские шутки: судя по их содержанию, я в этот день должен был остаться без рыбы. Так и случилось. Через час Николай возвратился на берег с пустыми руками.

— Ну, что же ты?.. Прицел сбился? Охотничек!.. — продолжали подшучивать над ним хуторяне.

— Так этот же! — кивнул на меня Николай. — Напильник забыл! А тупой пикой разве пробьёшь шестикилограммового карпа?

— Во даёт!.. — смеялись зеваки. — Фантазё-о-ор!

— И так всегда! Никто не верит! Ты тоже? — ткнул Николай меня в грудь указательным пальцем.

— В общем-то да, — честно признался я.

— Садись за руль! — скомандовал он. — Поехали!

— Куда? — оторопел я.

— Потом узнаешь!

Я спорить не стал, завёл мотоцикл, и через несколько минут мы оказались у Николая дома.

— Открывай чашку! — приказал он мне.

Я послушно сдёрнул с большой эмалированной посуды марлю, и увидел там трёх здоровенных карпов, похожих на былинных богатырей.

— Выбери любого! — немного важничая, сказал Николай.

Я скромничать не стал, потащил за хвост щедро засыпанного солью «Муромца».

— Только не самого большого, — вдруг остановил он меня. — И не самого маленького! — властно добавил, видя, что я потянулся за «Алёшей Поповичем».

— Прости, друг, — извинился я, в смущении, и забрал «Добрыню Никитича», насквозь пробитого острым четырёхгранным предметом.

— За что?! — в недоумении воскликнул Николай.

— Дырка в карпе точь-в-точь соответствует конфигурации той пики, что на пруду.

— Да, ладно, — снисходительно хлопнул он меня по спине ладонью. — Ты зимой приезжай, на зайцев охоту устроим!

ПРО ОХОТУ НА ЗАЙЦА В КАПКАНЕ

Будучи в гостях у донского казака Качкина Петра Петровича, давнего друга моего отца, я стал рассказывать, как мой школьный товарищ Николай Колузонов умело охотится на карпов с самодельной пикой, но хозяин тут же остановил меня.

— Читал я в газете твой рассказик. Только мне кажется сбрехал ты про богатырских карпов.

— Зачем же?.. Это истинная правда!

— Неужели на самом деле в нашем пруду водятся такие махины?

— Выходит, водятся.

— Ну а на зайцев-то вы с Николаем поохотились?

— Да как-то не получилось приехать зимой.

— О-о!.. Зря-а!.. Охота — это, брат ты мой, такое развлечение! Ничуть не хуже рыбалки. Я дуже любил в молодости побродить по полям и лесам, и один раз аж трёх зайцев принёс.

— Дядя Петя, расскажи пожалуйста! — воскликнул я, почувствовав, что разговор про охоту на этом оборвётся.

— Рассказывать-то дуже нечего... — стал он отнекиваться.

— Дядя Петя, расскажи! — не отставал я.

И он, в конце концов, сдался. Начал издалека, обстоятельно:

— Было это давно. Купил, значит, мой отец ружьё-двустволку. Он всю жизнь о таком мечтал, но всё денег никак не мог собрать — то коллективизация, то война. А тут продали мы по осени кабана и разбогатели. Да только отцу к тому времени уже не под силу было вёрсты отмерять по степи — ранений много в Великую Отечественную получил. Диковенное дело — с самолётом один на один сражался. Послал его, значит, командир батальона с донесением на

главный командный пункт. Шёл он всё время то овражком, то леском. А в одном месте пришлось в чистое поле выйти. И тут, как на грех, самолёты немецкие появились. Низенько так над землёй летят... И один из лётчиков, будь он неладен, заметил отца и давай гонять по полю. Строчит из пулемётов, страсть!.. Бегал-бегал от него отец, и видит — не отцепиться от паразита добром! Лёг он на спину и сам начал стрелять в него из винтовки. А лётчик в раж вошёл, вражина!.. И круг за кругом налетает, и налетает! Ну, скажи ты: зачем ему нужен был один солдат?.. Нет, прилип гад, как репей! Охотничий азарт, видишь ли, пробудился. Это его и сгубило. Так увлёкся, что в высотку врезался. Туда ему и дорога!

Отдышался отец чуток, отряхнул с себя пыль, и хотел уже бежать дальше... Да не тут-то было. Другой самолет привязался! Лётчик видать подумал, что отец сбил его товарища. А может и сбил?.. Разве мог опытный лётчик ни с того ни с сего в бугор врезаться?.. Но как бы там ни было, стал и второй охотиться на отца, а тому защищаться уже нечем — все патроны расстрелял. Спасибо, наши истребители подоспели. А так, каюк бы ему. Такие вот, брат, дела.

И он неожиданно затих, как-будто вовсе забыл про меня, но тут же встрепенулся:

— Ах, да! Я совсем забыл про зайцев! Дал, значит, отец мне ружье и попросил своих дружков — деда Васюню Хоршева и Макария Топольского, чтобы взяли меня с собой на охоту. А охотники они были, надо сказать, жуткие — всякий раз по пять зайцев приносили...

— Это слишком!.. — хохотнул я, не выдержав.

— Не всякий раз, конечно, но по три — это точно!

— И по три многовато, — продолжал я сомневаться.

— Ты не мешай, слухай! — одёрнул он меня, и как ни в чём ни бывало продолжил: — Только вышли мы в степь — метров на триста повыше от церкви, как навстречу нам из лесополосы вылетел какой-то полоумный заяц. Макарий, не целясь, бах его наповал! И говорит: «Бери Петя себе, всё равно ты сам, наверно, не убьёшь». Делать нечего, привязал я зайца на пояс, и пошли дальше. Но не прошли и пятисот метров, как из яра ещё один дурачок выскакивает. Дед Васюня, не целясь, хлоп его наповал и тоже мне отдаёт. И, что ты думаешь?.. Больше ни одной животины за весь день не встретили! Все леса прошарили, и ничегошеньки!.. И в Западном были, и в Горелом, и в Курганском... А под вечер уже в Липяги прибились. И тут я заметил между двух сосен заячьи уши — торчат, как антенны, и подрагивают. Подошёл поближе, гляжу... Заяц! Бабахнул я в него с одного ствола, потом с другого! А он сидит, хоть бы что. Тогда подбегаю я к нему и сторяча бух прикладом по голове! Раз, да другой!

Взял в руки, что такое?.. Не подниму. А он оказывается в капкане сидел, бедолага. С трёмя зайцами возвращался я в тот день в хутор, а дед Васюня и Макарий с пустыми руками. По пути зашли мы, правда, в магазин, и я отдал одного, по-свойски, продавцу. Понятное дело, угостил он нас за это добре. И я, на радостях, ещё одного вручил ему. «Всё равно, — думаю, — никто не поверит, что я троих уложил». А того, что в петле сидел — он, кстати, самый здоровенный был, домой принёс. Отец обрадовался, жуть как — не зря, значит, ружьё купил. И сразу кинулся свежевать косога. А когда освежевал, спрашивает:

— Сынок, ты руками поймал его, али как?

— Нет, — говорю, — подстрелил.

— А шкурка вся целёхонькая, ни одной дробинки нету. Это ж как ты стрелял?

Делать нечего, признался я, но Христа ради упросил никому не рассказывать, а то хуторяне вчистую засмеяли бы. Теперь-то мне, по-стариковски, не так стыдно. Пиши байку. Нехай люди поудивляются. А что случай такой был, не сумлевайся. На охоте, как на рыбал-ке, тоже чего только не случается.

ГОРЕ-ОХОТНИКИ

Мой старший товарищ, донской казак Николай Фёдорович Некрасов был почитателем моих первых рассказов. Он по несколько раз прочитывал каждую публикацию и при встрече живо обсуждал со мной. Всегда по-доброму, с обязательной похвалой, что очень смущало меня — особенно в присутствии других земляков. Кроме того, Николай Фёдорович охотно принимал участие в обсуждении будущих моих начинаний. Благодаря его воспоминаниям, я сделал несколько уточнений, и даже дополнений в романе «Четыре бездны — казачья сага».

Особым вниманием у хуторян пользуются юмористические рассказы «Хуторские байки» и «Охотничьи байки». Вероятно потому, что в них упоминаются не исторические личности, уже ушедшие в мир иной, а ныне здравствующие люди, лично пожелавшие стать персонажами баек, либо сборщиками материалов для таковых. Когда Николай Фёдорович, сам обладавший тонким юмором и недюжинным мастерством рассказчика, узнал, что я надумал завершить цикл «Охотничьи байки», стал настаивать на его продолжении, уверяя, что наши края столь богаты замечательным народным юмором и фольклором, что мне хватит материала на всю оставшуюся жизнь.

— Да только про случаи с зайцами книжку написать можно! — воскликнул он, увидев на моем лице сомнение.

— Действительно, случаев всевозможных на охоте происходит немало, только они, частенько, очень похожи один на другой. Я, к примеру, лишь одну-единственную интересную историю за всё лето услышал, — возразил я.

— Давай-ка, рассказывай! — тотчас приказал мне Николай Фёдорович.

— Поехали однажды мои близкие друзья Николай, Иван и Василий на вездеходе «Нива» охотиться на дикого кабана... — начал я в нерешительности.

— Давай-давай, смелее! — жестикулируя рукой, стал подбадривать меня Николай Фёдорович.

— Объехали они все известные им места, где могли бы пасть кабаны, но даже следа нигде не обнаружили. Намаявшись, в поисках зверя, они решили передохнуть на опушке дубового леса, а уж потом возвращаться домой. Расстелили на траве, близ куста боярышника, покрывало, разложили хлебушек, сальцо, огурчики... И как бывалые стрелки со знаменитой картины Перова «Охотники на привале», стали закусывать и вести, лёжа на боку, неторопливые беседы про всякие забавные случаи на охоте. Иван лежал спиной к лесу, а Николай и Василий — напротив него. Иван, любивший больше слушать, чем рассказывать, как-то незаметно для товарищей крепко заснул, убаюканный их воспоминаниями. А тут из чащобы неожиданно выскочил прямо на покрывало огромный клыкастый вепрь — ершистый, и как смоль чёрный. Схватил он горбушку хлеба, разметал копытами оставшиеся продукты и побежал дальше. Ошарашенные Николай и Василий опомнились не сразу, когда кабан уже удалился на почтительное расстояние. И только тогда устроили вслед беспорядочную и торопливую пальбу из двустолок. Но вепрь, бесцеремонно задрав крючковатый хвост, благополучно скрылся в лесу, будто заговорённый.

Частая канонада разбудила Ивана. Он сладко потянулся, зевнул и с ленцой пробасил: «Ну, ребята, бардак у вас тут на покрывале, точно свинья похозяйничала!..»

— Это они в точности на кабаньей тропе прилегли, ротозеи, — с уверенностью заключил Николай Фёдорович, без всякого удивления и улыбки.

— Пожалуй так, — с немалым разочарованием согласился я.

— История, вобщем-то, удивительная, — подытожил Николай Фёдорович, видя моё разочарование, — но не дюже смешная.

— Как будто вы знаете смешную! — обиделся я.

— Знаю! Как раз припомнил интересный случай!.. — сдержанно засмеялся он, и тут же начал. — Собрались, значит, казаки на охоту гуртом. По всем правилам номера расставили, пустили в загон собак

и прогаяли все ближние лесочки. А хоть бы кто, хоть бы что-нибудь подстрелил. Ничего! Возвращаются они под вечер домой ни с чем и видят на окраине хутора отбившегося от общества казачка, который варит на костре в ведёрке довольно-таки внушительных размеров зайца. Случком, чесночком, хренком и разными другими приправами...

— И где же ты его убил? Да как? — не без зависти стали приставать к нему охотники.

— Тут вот, рядом. Из лесополосы выскочил. А я не растерялся, только и всего, — буркнул находчивый казачок и предложил горе-охотникам отведать свежатинки.

А когда все косточки были обглоданы, он достал из-под куста бузины серую шкурку бездомной собаки. Что там творилось — не рассказать! Нашенские люди крепкие: поплевались часик-другой, да и перестали. А вот кавказец, который был среди них, так тот чуть ли не помер от брезгливости. Целых два дня тошнило горемычного. Ничто ему не помогало, даже то, что корейцев в пример привели — они же собак жуют, прямо как мы курей!

— Да, уморительная история!.. — признал я, хохоча. — Однако, хотелось бы услышать что-нибудь интересное из непосредственного источника. Из вашей жизни, к примеру. Надеюсь, приходилось охотиться?

— А как же! Я заядлым охотником в молодости был! Да меня, коль хочешь знать, даже дед Васюня с Макарием любили приглашать в одну связку! А они на охоте, ого-ого что вытворяли!.. Сроду без добычи домой не приходили!

— Вот и расскажите что-нибудь.

— Ладно. Было это под Рождество. Я чуть свет засобирался на охоту, а тут в хату маманя моя с база возвратилась, и цап ружье в охапку:

«Нынче никуда не пойдешь! — говорит. — На мельницу пора, а просо не вяно!»

— Делать нечего, полез я в закром. А на охоту хочу, страсть!.. Не чаю, как из этого скользкого положения выпутаться. И придумал-таки: «Мам, а мешков-то мало будет, — говорю, — сходи к соседям, попроси займы». И только она ногой за дверь шасть, я ружье хвать, и рысью к месту сбора. Да куда там!.. Разве эти непоседы станут ждать. Слава Богу в тот год снегу на поля намело жуть. Всё как на ладони видать. Аж до самого Западного леса мчался я без передышки за прыткими старичками по их следам. Там только остановился перевести дух. Но не тут-то было. В низине началась ураганная пальба и на пригорок, прямо мне в лоб, вылетает здоровенный заяц с отстреленной задней ногой. Я сразу из двух стволов, навскидку, ба-бах!.. Заяц как сиганул вверх, наверное выше человеческого роста, причудливо кувыркнулся и замертво рухнул

в сугроб... Я достал от радости папиросы, закурил, и думаю: «Эх и поспею же я нынче над бывальными охотничками!..» А тут стрельба в балке опять началась. Сунул я папиросы обратно, как потом выяснилось мимо кармана и, спотыкаясь, кинулся на пригорок за своим убитым зайцем... А его уже и след простыл! Кровью брызжет по беленькому снежку и как угорелый ковыляет вниз по балке, а следом дед Васюня и Макарий семечьят и палят что есть мочи. Чертыхнулся я крепко, с досады, и опрометью понёсся следом за ними. Два десятка патронов расстреляли мы сообща, а косоу хоть бы что. Так и скрылся в терновнике.

— Молодцы! — воскликнул я, с нескрываемой досадой. — Легкую добычу для волков подготовили!

— Ошибаешься, дружок. Мы этого трёхногого прохвоста не раз потом встречали в степи, но трогать больше не посмели. А он, хитрюга, будто знал, что мы уговорились оставить его в покое. Сядет где-нибудь на пригорочке и издевательски разглядывает нас.

Я частенько потом приносил ему из жалости капустный лист, либо морковину. Но к морковке он даже не прикасался, хоть в народе и говорят, будто зайцы страсть как её любят. Не-е-т!.. Не правда это! Капустку, или зёрнышко, он завсегда, с удовольствием хрумкал. А морковку нет, не любил.

— Это действительно занимательная история. Теперь нам точно хватит материала для рассказа! — заверил я Николая Фёдоровича, и мы горячо обнялись на прощанье.

В ЗАСАДЕ

В моём первом юмористическом сборнике «Хуторские байки» часть рассказов были посвящены исключительным случаям на охоте, выделенным, со временем, в отдельный цикл «Охотничьи байки». Именно этот цикл вызывает у читателей на моей малой родине наибольший отклик и они частенько задаются вопросом: «А был ли он сам когда-нибудь на охоте?»

Да, я был на охоте. Аж два раза! Только это было давно. Последний раз в марте 1976 года, когда мне ещё не исполнилось и семнадцати. А впервые я познакомился с ружьём и того раньше, зимой 1972 года.

Да-да! Я очень рано пытался приобщиться к охоте. В то время я состоял в отчаянной хуторской четвёрке пацанов. Главным заводилой у нас был Василий Михайлович Овсянников, а тогда просто Васька.

Так вот, Василий Михайлович, то бишь Васька, был самым старшим из нас и всегда был переполнен всевозможными идеями, суть которых сводилась к одному — напраказничать так, чтобы всем в памяти осталось.

Игра в войну была любимым нашим занятием. Пистолеты, автоматы, пулемёты мы сами мастерили из дерева и железных трубок. Но для более острых ощущений мы всё же мечтали подержать в руках настоящее оружие, на худой конец — охотничье ружьё.

Мой отец в ту пору как раз купил ружьё-одностволку, а Васька прознав про это, тут же пожелал самолично осмотреть его. И однажды, когда родители были на работе, мы всей гурьбой завалили к нам в дом. Что мы только не вытворяли с ружьём! Примеряли на плечо и через плечо, стволом вверх и стволом вниз, брали прицел с колена, с локтя и даже с одной руки и при всём этом несчётное число раз взводили курок и нажимали на спусковой крючок. Потом мы и вовсе осмелели. Вынесли ружьё на крыльцо, стали целиться и производить мнимые выстрелы по бродившим по двору домашним животным, которых каждый в меру собственной фантазии представлял различной дичью. Кур — тетеревами, глухарями и рябчиками. Прыгавших среди них вороватых воробьишек — куропатками и перепелами. Собаку на цепи — волком. Кошек — тиграми, леопардами и рысями. И так мы находили для каждого домашнего питомца двойника и с азартом охотились. И всё же главной нашей мишенью был громадный, всегда чем-то недовольный индюк, который то и дело грозно раздувал объёмную шарообразную грудь и, расчерчивая на пушистом перво-снежье мощными, до земли растопыренными крыльями различные замысловатые фигуры, поминутно выбрасывал из зоба, багровея от напряжения, устрашающее, гортанное клокотанье, эхом разлетавшееся по всей округе. Этого, едва не лопавшегося от важности хозяина птичьего двора мы представляли себе и вепрем, и слоном, и носорогом, и ещё невесть каким чудищем...

Подобные игры, поначалу казавшиеся нам чем-то сверхъестественным, Ваське вскоре наскучили, и мы перешли к более решительным действиям: стали острием ножа взрывать пистоны и жечь мелкими порциями в пробках от одеколона порох. Жгли и взрывали до тех пор, пока не опалили мне по неосторожности лицо... И на этом наши шалости прекратились, аж до следующей зимы!

* * *

За год мы все немножко подросли и немножко «поумнели». А Васька и вовсе заматерел: осенью он научился с помощью старших братьев стрелять из ружья, а в начале декабря даже побывал вместе с дядей на настоящей охоте. Столь значимые для Васьки события, спровоцировали его на новые подвиги. Он решил организовать собственное детское «сафари», о чём и объявил нам в канун зимних каникул. Возражений против такого заманчивого приключения не

последовало, и мы всей четвёркой принялись лихорадочно собирать охотничий арсенал. Понемножку сами подворовывали у беспечных отцов и добродушных дядюшек, но чаще выменивали пару пистонов, пустую гильзу, горсточку пороха на свои любимые игрушки, или покупали на копейки, выданные родителями на завтраки, у школьных товарищей. И когда наступили долгожданные каникулы, мы были наготове. Зарядили по два патрона на каждого. Один мелкой дробью, другой картечью — на случай встречи с крупной дичью. Украдкой вытащили из кладовки отцовскую одностволку и направились в степную лесополосу испытывать удачу.

В лесополосе, в густых колючих зарослях акаций, мы без труда нашли свежую, утопанную зайцами тропу и, не мудрствуя, решили устроить на ней засаду. Мне, как хозяину ружья, товарищи доверили право на первый выстрел и оставили на тропе, а сами разбежались в разные стороны и подняли страшный крик, эхом расплывшийся понад заснеженными, ослепительно искрящимися на солнце ветками акаций. В ожидании зайца я изготовился к выстрелу и в нетерпении стал зорко наблюдать за тропой, но руки мои и глаза быстро устали от напряжения. Желая передохнуть минутку-другую, я взял ружьё в охапку и прислонился спиной к толстой старой акации, треснувшей от удара молнии, но именно в эту секунду на тропу вылетел заяц-великан, во всяком случае мне тогда так показалось. Заприметив меня, он инстинктивно бросился в сторону на пушистый сугроб и увяз в нём. Хотите верьге, хотите нет, но заяц-великан действительно провалился в глубоком рыхлом снегу и забуксовал. И пока он судорожно пытался выбраться на твёрдую опору, я стоял будто замороженный и изумлённо наблюдал за ним. В то мгновение я непроизвольно вспомнил, как ещё один мой школьный товарищ по имени Колька, окружив себя пацанами помладше, рассказывал им, что он с одним-единственным патроном удачно охотился на зайцев всю прошедшую зиму и умудрился-таки сберечь этот самый патрон в целости и сохранности. А делал он это так: каким-то секретным, только ему известным способом загонял зайца в сугроб, и пока тот барахтался, спокойненько подходил к нему, не спеша доставал из ствола ружья тяжёлый, до отказа забитый дробью патрон, возможно, вовсе без пороха, и с размаху бил им зайца по голове в смертельную точку между ушей. Заяц, конечно, околочивался, а Колька отыскивал в снегу патрон, закладывал обратно в ствол и шёл домой с добычей. И так каждое воскресенье. Подобных историй, уже тогда обладавший великолепным юмором Колька, а теперь Николай Михайлович, мог рассказать целую дюжину. И представьте себе, ему многие верили. Наверное потому, что в каждой его байке всегда присутствовала,

пусть даже и незначительная, доля правды. К тому же он прекрасный рассказчик, любую историю воспроизводит так живо и естественно, что в это просто невозможно не поверить, хотя бы чуть-чуть... Пове-рил тогда и я, в своих скоротечных воспоминаниях, и обрадовался... Но радость была недолгой. За спиной у меня послышалось хриплое дыхание выбившегося из сил человека. За те мгновения, что я мыс-лями летал в неопределённом пространстве, Васька, словно гончая собака, успел забежать мне в тыл. Он тут же выхватил у меня ружьё и навскидку выстрелил, вследствие чего промахнулся. Заяц тем временем с испугу нырнул в снег, вероятно нашёл там спасительную кочку, оттолкнулся от неё и пушечным ядром вылетел из сугроба. И был таков... А я в тот же миг получил затрещину, затем мы снова собрались воедино и долго, до колик в животе, хохотали над моим первым охотничьим опытом. Другие попытки завладеть каким-либо трофеем были ещё менее успешными, и мы от отчаяния расстреляли куда попало весь наш арсенал и ни с чем возвратились домой. Пер-вая, до смешного неуклюжая охота, оказалась для нас в том сезоне и последней. Отец мой будто почувствовал неладное — в тот же вечер разобрал ружьё на части и закрыл в сундук на замок.

* * *

На следующую свою охоту, во второй и пока последний раз в жизни, я попал спустя три года. Мой дядя Егор Иванович Меркулов, которого в ту пору все запросто звали Жориком, будучи заядлым охотником, по воскресеньям собирал вокруг себя племянников и соседских подростков, и в меру своих знаний обучал охотничьему ремеслу. И когда мы мало-мальски поднаторили в этом непростом деле, он вывел нас мартовским, ещё достаточно снежным днём в поле, а затем завёл и в лес. Меня, как самого смекалистого, по сугубо личному мнению любящего дяди, да к тому же обладавшего ружьём, опять без спроса взятым у отца, он сразу поставил на точку для ре-шающего выстрела. И ситуация повторилась — в решающий момент я опять не выстрелил. На этот раз из жалости.

Появившийся в тот миг у меня за спиной дядя Жорик громопо-добно заорал:

— Стреляй!

Но я продолжал медлить, очарованный величием выскочившего мне в лоб молодого лося.

И тогда дядя, вконец раздосадованный моей нерешительностью, взревел ещё громче:

— Ложи-и-ись, твою!.. — и далее последовала масса крепких на-родных слов.

Едва я успел ткнуться носом в снег, как над головой у меня просвистела, тоненько подвывая, горсть дрови. К счастью в этой нервной суеде лось не пострадал. Но я, будучи почти взрослым человеком, носившим в ту пору почётную кличку Сэр, опять получил на охоте подзатыльник. И охота к охоте на этом у меня пропала навсегда. А вот писать байки люблю. И, возможно, когда-нибудь напишу ещё что-нибудь о необыкновенных, как всегда это случается с охотниками, приключениях на охотничьей тропе.

ЛОПАТИСТЫ, ИЛИ КУРИТЬ — ЗДОРОВЬЮ ВРЕДИТЬ

(рассказ из армейской жизни)

Однажды, на сорок пятом году жизни, я задался вопросом: почему я не курю? И тут же нашёл скорый ответ: да потому, что не у кого было в детстве «стрелять» папиросы.

Выражение: «Курить — здоровью вредить, да к тому же деньги понапрасну тратить!» — было не чуждо моему отцу. Он с молодости сам не курил и другим не советовал. И мне, естественно, сам Бог велел подражать такой авторитетной личности, каковой для любого ребёнка является отец. Ведь именно в детские годы зарождается тяга к подражанию. И я подражал — в точности до наоборот: собирал вместе с другими пацанами окурки, потрошил их на табак, крутил большущие конусообразные самокрутки «козья ножка» и, прячась в ивовых зарослях, дымил словно старинный, питавшийся каменным углём паровоз.

К сожалению, та давняя, как казалось безобидная забава глотать дым и, закашливаясь, струями выпускать его из ноздрей переросла в привычку и по сей день для многих из нас так и осталась болезненной, неразрешимой проблемой.

Я, к счастью, в этом направлении пошёл в отца, баловавшегося табаком только в далёком детстве, а чтобы младшие брат с сестрой не учинили предательства, порол их, для острастки, хворостиной. Бабушка, прознав про такую оказию, пустила хворостину в действие в обратном направлении, и мой отец, по этой ли причине, или по какой другой, сказать теперь трудно, отказался от такого вредного порока, как курение, навсегда. Мне пускать в ход хворостину не довелось — не было ни братьев, ни сестёр. В обратном направлении, насколько помню, хворостина тоже не действовала по одной простой причине: ни разу не попался с поличным. И всё-таки к восемнадцати годам я оказался, видимо на генном уровне, стойко не курящим.

— Ничего, в армии враз научишься, — утверждали мои школьные друзья, наслушавшиеся солдатских баек от демобилизовавшихся и

побывавших в краткосрочном отпуске старших товарищей, — там не курящих не любят!

Несмотря ни на какие байки, я твёрдо остался при своём мнении. Но на призывной пункт всё же приехал, на всякий случай, с рюкзаком набитым, помимо вещей первой необходимости, популярными в то время болгарскими сигаретами с фильтром, которые по прибытию в воинскую часть тотчас перекочевали в тумбочки к старослужащим, что автоматически освободило меня от возможного, необдуманного желания снять нервное напряжение куревом.

* * *

Служить мне довелось в танковом полку, в славной столице донского казачества — городе Новочеркасске. Но в то время мне было не до красот города. Я тогда так и не потрогал своими руками памятник великому Ермаку Тимофеевичу, четыреста лет назад отодвинувшему всего-то с сотней таких же отчаянных, как и сам, казаков границы Руси далеко-далеко за Урал, указав потомкам путь аж до края земли. Не побывал я и в главном казачьем соборе. Вместо этого я ежедневно, с отделением других призывников-ростовчан ещё не принявших присяги, усердно — а как иначе в армии? — чистил на холодном ноябрьском ветру один за другим возвращавшиеся с учебного полигона перепачканные грязью танки.

Тут-то я чуть было и не закурил — очень уж хотелось в короткие минуты немногочисленных перекуров хоть как-то отогнать от себя рано объявившуюся в тот год сырую стужу, пробиравшую аж до самых костей, даже сквозь тёплый солдатский бушлат.

К счастью, «танкистом» я был недолго и не успел созреть до столь решительного действия. Танковый полк вскорости ушёл на большие манёвры, а призывников, ещё не принявших присяги и даже не имевших первичного армейского звания рядовой, командование решило отослать куда-подальше, дабы не утруждать себя ответственным мероприятием, на которое обычно любили приезжать докучливые родители.

Куда подальше оказалась школой сержантов, на солдатском наречии именуемой учебкой. В учебках солдатню обычно муштруют так, будто хотят сделать из них серийных роботов, не имеющих право на ошибку. Будучи наслышанными о подобных страстях, по-ловина из нашего доблестного отделения мойщиков бронетехники с успехом симулировала на медицинской комиссии неожиданно появившиеся мудрёные болезни и осталась «кулинарами» в полковой столовой, а другая половина перебралась в стольный град Киев и стоически принялась изучать азы военного пожарного.

Страсти об учебке оказались преувеличенными — здесь действительно муштровали по полной программе, но всех одинаково, без предвзятостей. В отличие от воинских частей дедовщиной тут и не пахивало. Страхи наши быстро улетучились, и все, за исключением меня и саратовского потомственного пианиста, неизвестно за какие грехи оказавшегося в армии, были счастливы — насколько это возможно в армии. А несчастье наше заключалось в нежелании курить.

Во время перерывов между занятиями, будь то строевая или тактическая подготовка, большая часть курсантов опрометью бежала в курилку, где они впритык рассаживались на лавочках и с жадностью начинали вдыхать в себя табачный дым. Другая же, гораздо меньшая часть, к которой относились мы с пианистом, сбивалась группкой на плацу и тешилась воспоминаниями о гражданской жизни.

— А это что за отшельники? — поинтересовался однажды у командира отделения командир учебного взвода.

— Это не курящие, — отчеканил сержант, — анекдоты травят!

— Чем время понапрасну тратить, лучше бы плац от снега очистили, — пошутил капитан.

Исполнительный сержант воспринял его шутку за приказ, и нам тотчас выдали скребки и мётлы.

На следующем перекуре наша группа «меньшевиков» сократилась вдвое, на следующий день ещё вдвое, а через неделю мы с пианистом остались и вовсе двое.

Через две недели не выдержал и пианист, но в курилке его затошнило, и он в тот же день вернулся ко мне на плац.

— Ну и упрямцы! — удивлялся добрый капитан, редко оставлявший своих питомцев без присмотра, даже во время перекура.

А наши товарищи «большевики», пользуясь случаем, шутили над нами — «меньшивикам», как только могли. Правда, без злобы, скорее от безделья.

— Эй, курсант! — окликнул меня однажды капитан. — Шёл бы ты лучше в курилку!

— Курить — здоровью вредить, и деньги понапрасну тратить! — дерзко отшутился я, и с удвоенной энергией принялся орудовать лопатой.

И что бы вы думали?.. Меня примерно наказали за неуважение к старшему по званию? Ничего подобного! На следующий день, на первом же перекуре, капитан тоже решил избавиться от небезопасного для здоровья порока — на глазах у всех курсантов выбросил в урну полную пачку престижных в то время сигарет «Рига», взял лопату и составил со мной и пианистом трио «лопатистов» — так нас прозвали «большевики» из курилки.